

УДК 94(47).083

О. М. Семерикова

«УКРЕПЛЕНИЕ» НАДЕЛЬНОЙ ЗЕМЛИ В ЛИЧНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ В ВЯТСКОЙ И ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В 1906—1917 гг.

Рассматривается заинтересованность крестьян в «укреплении» земли в личную собственность и деятельность государственных органов по ее реализации. На основе архивных документов, данных периодической печати, иных источников выявлено, что «укрепление» земли в личную собственность приобрело развитие в местностях с большим оттоком населения, наличием малоземельных общин и развитием товарного земледелия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «укрепление» земли в личную собственность; аграрная реформа; Вятская губерния; Пермская губерния.

Предоставление крестьянам права на «укрепление» земли в личную собственность по Указу 9 ноября 1906 г. явилось одной из возможностей выйти из состава общинной организации и стать индивидуальным владельцем. Чтобы выявить востребованность данной нормы права со стороны уральского крестьянства, необходимо обратиться к статистике поданных ходатайств. При этом отметим, что имеющиеся количественные данные не охватили всех крестьян-домохозяев, пожелавших стать личными собственниками, так как по закону от 29 мая 1911 г. акт о землеустройстве явился документом, удостоверяющим право собственности на землю, и при этом не требовалось специального заявления о выходе из общины и «укрепления» своей доли наделных земель. В результате основная часть заявлений об «укреплении» поступила до первой половины 1911 г. включительно. Например, в Пермской губернии на 1 марта 1911 г. было подано 80 % заявлений от всего числа подобных ходатайств к 1 янв. 1917 г. (35 636 от 44 355) [см: ГАПК, ф. 277, оп. 1, д. 27, л. 2; Дубровский, с. 576, 577]. Поэтому будем иметь в виду, что показатели по числу домохозяев, подавших заявление и за которыми состоялось «укрепление» в личную собственность наделной земли, дают нам представление о реализации желания крестьян стать индивидуальными собственниками на первом этапе реформы (1906—1911). Общие показатели по числу поданных ходатайств и произведенных «укреплений» за время с издания указа 9 ноября 1906 г. по 1 января 1917 г. по донесениям губернаторов в земский отдел МВД (в относительных величинах) представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

*«Укрепление» земли в личную собственность
в Вятской и Пермской губерниях, %**

Губерния	Период	Отношение числа домохозяев, заявивших требование об «укреплении» земли в личную собственность, к числу всех домохозяев на 1905 г.	Отношение числа домохозяев, «укрепивших» землю в личную собственность		Отношение площади наделной земли, «укрепленной» в личную собственность, ко всей площади наделной земли на 1905 г.
			к числу домохозяев, заявивших требование	к числу всех домохозяев на 1905 г.	
Вятская	на 1 мая 1915 г.	10,6	45,8	4,9	3,8
	на 1 января 1917 г.	10,8	46,6	5,0	3,9
Пермская	на 1 мая 1915 г.	8,4	48,2	4,0	3,0
	на 1 января 1917 г.	8,5	47,9	4,1	3,1

*Составлено по: [Дубровский, с. 576]

Сведения о доле тех, кто заявил требование об «укреплении» земли, демонстрируют нам частичную заинтересованность крестьянства: 10,8 % вятских и 8,5 % пермских крестьян-домохозяев обратились с подобным ходатайством к земским начальникам. В абсолютных числах это составило 52 023 и 44 355 домохозяев соответственно. Основной причиной, по которой это правительственное мероприятие не имело массовых сторонников, явилась сохраняющаяся возможность по ведению экстенсивного хозяйства в рамках общинной организации, обусловленная многоземельным характером территории. Сопутствующими факторами слабой активности крестьян были их недостаточная информированность о точном

содержании законодательной базы реформы (особенно в начальный период), а также медленное включение земских начальников в процесс осуществления правительственных мероприятий. Отметим, что деятельность последних значительно повлияла на итоговые показатели. Так как в их компетенции была реализация всех действий по «укреплениям» (кроме технических): агитация, прием заявлений, выезд на место жительства ходатайствующего, разрешение возникающих споров, юридическое оформление процедуры. Несвоевременному включению земских начальников в процесс реформы способствовали большие площади участков, отдаленность контролирующих органов, частая ротация кадров из-за сложных природно-климатических условий и недостаточной оплаты труда, а также загруженность некоторых из них реализацией дел по землеустройству горнозаводского населения в этот же временной период (особенно это касалось чиновников Соликамского, Пермского и Верхотурского уездов). Большое значение сыграло и их субъективное отношение к землеустройству. Бездеятельность некоторых из них, обусловленная как полным несоответствием занимаемой должности, так и выжидательной позицией в начальный период, существенно снизила результативность.

На итоговые показатели повлияли и такие реалии уральской деревни, как противодействие сельского общества и широкое распространение практики «отхода» на заработки (при которой для оставшихся членов семьи община выступала в качестве социального гаранта их выживаемости на период отсутствия части работников). Сдержанная и нередко отрицательная позиция общества на желание некоторых крестьян стать личными собственниками была обусловлена в том числе и многоземельным характером территории. Она выражалась как в пассивном (преднамеренное отсутствие кворума на сельском сходе), так и в активном противодействии. Так, при разборе ходатайств об «укреплении» полос общинной земли на административном заседании Слободского уездного съезда Вятской губернии «6 крестьян Федосеевской волости заявили, что они принуждены взять свои ходатайства обратно, так как однообщественники их обещаются в случае закрепления полос расправиться с ними своим судом, не исключая и сожжения имущества. Один из крестьян заявил, что у него уже крестьяне сожгли часть имущества» [Вестник, № 17, с. 17]. Представители крестьян Грязновской волости Камышловского уезда Пермской губернии в прошении на имя губернатора писали: «Мы немедленно заявили о выходе из общины, хотя за это нам пришлось вынести много угроз и оскорблений, и даже побоев, т. к. в нашем обществе почти все состоят в политическом союзе и заговоре против закона 9 ноября 1906 г. и нас, выделяющихся» [РГИА, ф. 1291, оп. 121, д. 84, л. 14].

В табл. 2 представлено поуездное количество отказов «мира» в составлении приговора, разрешающего процедуру «укрепления».

Т а б л и ц а 2

*Количество отказов пермских общин в составлении приговора об укреплении на 1 марта 1911 г., %**

№ п/п	Уезд	Отказы от общин	№ п/п	Уезд	Отказы от общин
1	Шадринский	99,8	7	Камышловский	91,0
2	Ирбитский	97,9	8	Верхотурский	83,0
3	Пермский	96,5	9	Осинский	79,7
4	Екатеринбургский	95,5	10	Чердынский	79,0
5	Красноуфимский	94,5	11	Кунгурский	70,8
6	Оханский	93,3	12	Соликамский	70,5
				<i>Итого по губернии</i>	<i>89,0</i>

*Подсчитано по: [ГАПК, ф. 277, оп. 1, д. 27, л. 2]

Действительно, как видно из табл. 2, однообщественники в большинстве случаев не желали отдавать часть «мирского» земельного надела в личное владение заявившим о том крестьянам. Причем эта тенденция сохранялась до конца преобразований: так, на 1 января 1917 г. доля отказов общины составила 88,3 % [см.: РГИА, ф. 1291, оп. 120, д. 19, л. 214]. Тем не менее на основании табл. 2 мы условно можем разделить уезды Пермской губернии на две группы. В первую группу, где процент отказов составил более 90 %, входили уезды со значительным числом земледельческих волостей и с несколько большей плотностью населения, а также территории с развитой товарной специализацией. Более доброжелательно «мир» реагировал на просьбы об «укреплении» в уездах с преимущественно малопродуктивным земледелием, а также там, где достаточно широко было представлено крестьянское подворное землевладение (Кунгурский уезд).

Если обратиться к относительным показателям по Вятской губернии на 1 августа 1909 г., процент отказов общины в «укреплении» в ряде уездов был следующий: Вятский уезд — 60 %, Слободской — 70 %, Глазовской — 72 %, Нолинский — 77 %, Малмыжский — 91 %, Сарапульский — 93 %, Уржумский и Яранский — 94 %, Елабужский — 96 % [см.: Вятская община, с. 2]. Здесь мы наблюдаем аналогичную пермской картину: в южных земледельческих регионах община более остро реагировала на желание некоторых своих членов вести индивидуальное полевое хозяйство и, как следствие, угнетала их.

Основной причиной отказов сельских обществ являлось желание сохранить первоначальную площадь наделной земли (или хотя бы оставить в своей собственности лишние душевые наделы) в условиях всевозрастающей численности населения и преобладающих экстенсивных форм хозяйствования. Например, в Вятском уезде плотность населения на кв. версту увеличилась с 36 (по переписи 1897 г.) до 38,6 чел. (по данным земской статистики в 10-е гг. XX в.); в Котельничском — с 29,0 до 33,3 чел.; в Нолинском — с 34,3 до 38,5 чел.; в Яранском — с 32 до 39,1 чел.; в Сарапульском — с 29,5 до 37,9 чел.; в Слободском — с 9 до 11,9 чел. [см.: Вятка, с. 732; Котельнич, с. 428; Нолинск, с. 325; Сарапул, с. 156; Слободской, с. 374; Россия, с. 521, 552, 553, 579, 586, 589]. В подтверждение тезиса об основных мотивах «мира» при отказе на «укрепление» приведем мнение чиновников зауральских уездов: «...причиной отказа сельских обществ удовлетворять требующих укрепления приговорами служит главным образом опасение иметь в будущем многих безземельных членов своего общества, а затем, в некоторых случаях, желание общества, чтобы укреплению земли в собственность некоторыми домохозяевами предшествовал новый передел земли, чем и было бы достигнуто соответствие количества земли у отдельных домохозяев с числом имеющихся у них разверсточных единиц» [Труды порайонного съезда, с. 40].

Под влиянием отрицательного отношения общины многие из домохозяев, даже получивших согласие на «укрепление», отказывались от своего намерения превратиться в собственников. Так, например, на 1 августа 1909 г. около 30 % вятских крестьян, подавших заявления об укреплении земли, после отказа сельского схода в реализации этого желания «оставляли свое намерение и к земским начальникам не обращались». В Орловском уезде в среднем из 100 домохозяев, подавших ходатайство, 47, получив отказ от схода, «бросили все дело» [Вятская община, с. 2]. По Пермской губернии на 1 марта 1911 г. общее количество отказавшихся от окончательного решения дела по «укреплению» своего надела составило 11 773 домохозяина, или 33 % общего числа подавших заявление [см.: ГАПК, ф. 277, оп. 1, д. 27]¹.

Отметим, что, помимо давления общины, отказы происходили и вследствие субъективных мотивов самих заявивших требование крестьян.

¹ 3 468 домохозяев, или 9,7 % общего числа ходатайствующих, отказались до созыва сельского схода от заявленных требований, 6 792, или 19 %, не стали обращаться к земским начальникам после отказа схода, 1 287, или 3,6 %, подали прошение «на добровольный отказ», 226 — на прекращение дела на стадии рассмотрения уездным съездом.

В частности, земские начальники зауральских уездов в 1909 г. установили, что значительная доля отказов сформировалась: «а) вследствие нежелания ссориться с обществом; б) ввиду боязни принудительного отвода земли к одному месту по ст. 14 указа 9 ноября 1906г.; в) ввиду скорого истечения 24-летнего срока после последнего общего передела (еще до закона 14 июня 1910 г. — *О. С.*) и возможности тогда укрепить излишние против наличного числа разверсточных единиц участки бесплатно; г) невозможности или нежелания внести необходимую плату за излишний надел; д) увеличения числа наличных душ мужского пола в период между заявлением и желанием выйти из общины и окончательным укреплением» [Труды порайонного съезда, с. 40—41].

Поуездные особенности крестьянского землевладения и землепользования также повлияли на уровень востребованности процедуры «укрепления». В частности, особенности эксплуатации лесных угодий в зауральских уездах зачастую вынуждали некоторых крестьян оставаться в общине. Речь идет о том, что в малолесных зонах (к которым по правилам о наделении земель в процессе реализации реформ 1860-х гг. были отнесены Шадринский, Камышловский, южная часть Екатеринбургского и отчасти Ирбитский уезды) «надельный лес, вопреки требованию закона, издавна [подвергался] при общих переделах земли вместе с сельскохозяйственными угодьями и на таких же основаниях (по душам, тяглам и т. д.) разделу». В результате, по сообщениям земских начальников, «одни из домохозяев относятся к нему крайне бережливо, почему леса их являются более сохранными, другие же домохозяева, раз вырубивши поступившие в их распоряжение лесные пространства, вынуждены в настоящее время пользоваться едва подростшим лесом». Как следствие, первая группа крестьян, «боясь лишиться выращенных ими лесов, понятно не имеет склонности к укреплению земли в личную собственность» [Труды порайонного съезда, с. 60, 61].

Некоторое влияние на формирование настороженного отношения крестьян к возможности «укрепить» свой надел оказали и традиционные представления о собственности на землю и «мифологичность» их сознания. В секретном циркуляре пермского губернатора Кошко всем чинам полиции в 1911 г. было указано: «За последнее время среди крестьян губернии стали возникать слухи о предстоящем будто бы переделе земли, дополнительном наделении крестьян землями за счет помещичьих и казенных», а также об ожидаемом в 1912 г. «восстании на почве раздела помещичьих земель, что, в свою очередь, служит нередко поводом для отказа крестьян от укрепления земли в личную собственность, в расчете получить надел из помещичьей» [ГАПК, ф. 65, оп. 1, д. 582, л. 1].

Непременный член Осинской уездной землеустроительной комиссии в 1913 г. отметил: «В малоземельном западном районе уезда среди бывших помещичьих крестьян еще сильно ожидание даровых прирезок, раздачи помещичьей земли» [Вестник, № 30, с. 6].

Как следует из табл. 1, итоговые показатели «укреплений» были существенно ниже заявленных: 45,8 % и 46,6 % по Вятской губернии, 48,2 % и 47,9 % по Пермской — осуществленных «укреплений» к общему числу ходатайств на 1 мая 1915 г. и 1 янв. 1917 г. соответственно. Помимо вышеуказанных причин разница возникла также из-за отказов земских начальников в «укреплениях». Основанием тому нередко становилось отсутствие четких и общепризнанных границ владений между крестьянскими наделными землями и владениями других собственников. Например, в ряде местностей Пермской губернии в начале XX в. сохранялась ситуация неразмежеванности между землями сельских обществ и православной церкви. Например, из отчета чиновников 1909 г. следовало, что в некоторых сельских обществах «церковные земли находятся издавна в фактическом пользовании населения и разверстывались наравне с наделной, причем оказывается, что часть населения владеет одной наделной, часть — и наделной и церковной, и часть — одной церковной». В результате на основании разъяснения МВД от 17 июня 1908 г. за № 17150 на имя пермского губернатора дела об «укреплении» отдельных домохозяев, а также о «выделах» к одним местам в таких сельских обществах приостанавливались «впредь до выдела из разверстки церковных земель» [см.: Труды порайонного съезда, с. 54]. Но это была достаточно сложная процедура, затрагивавшая интересы обеих сторон, возможность реализации которой появилась только после выхода закона «О землеустройстве» 1911 г. В итоге в период аграрных преобразований в Пермской губернии дел о размежевании наделных и церковных земель к производству землеустроительных комиссий принято не было.

Возвращаясь к данным табл. 1, отметим, что процесс «укреплений» имел определенную траекторию развития: в период второй половины 1915 — 1916 г. он практически прекратился (по Вятской губернии было подано 663 ходатайства, по Пермской — 637), что было связано с позицией правительства о временном приостановлении приема ходатайств и с Первой мировой войной, которая оттянула из деревни значительное число мужского населения. Тем не менее факт продолжающейся подачи подобных заявлений на последнем этапе реформы свидетельствовал о сохранении определенного потенциала, который был заложен законодателем в реформу и оказался востребован хотя бы единичными представителями крестьянского сословия.

Доступная нам поуездная статистика по количеству ходатайств об «укреплении» показала, что существовал ряд территориальных отличий в этом процессе. Заметим, что уральский материал в некоторых случаях подтверждает вывод авторитетного исследователя начала XX в. И. В. Мозжухина (который относил Вятскую и Пермскую губернии к группе территорий с наименьшим уровнем развития капитализма, а следовательно, и социальной дифференциации): чем больше по составу крайние социальные группы деревни, тем больше доля «укреплений» [цит. по: Дубровский, с. 206, 207]. При этом следует помнить, что об этом можно говорить касательно изучаемого региона только при условии учета тезиса о превалировании тенденции относительной социальной однородности среди жителей уральской деревни в рамках сохраняющейся возможности экстенсивного хозяйствования на земле.

Наибольшее число ходатайств в Пермской губернии поступило от крестьян Оханского, Красноуфимского, Осинского, Камышловского, Пермского и Шадринского уездов. По нашему мнению, это объяснялось наличием значительной доли плодородных земель, а также развитием клеверной, льняной и зерновой товарной специализации крестьянских хозяйств. Для Оханского, Осинского, и Пермского уездов причиной повышенной активности местного крестьянства в подаче ходатайств об «укреплении» явилось и наличие в их составе значительного количества бывших помещичьих и удельных крестьян. Их общинное землевладение отличалось в начале XX в. чаще всего полным отсутствием земель общего пользования (лес, выгон) и небольшой полевой площадью, что уменьшало их заинтересованность в существовании своего двора в рамках общинной поземельной организации. Также для общин бывших владельческих и удельных крестьян южных волостей было характерно распределение земли между дворами по принципу учета всех наличных душ, в том числе и женского населения. Кроме того, на данных территориях к началу аграрных преобразований присутствовала в небольшом количестве и частная крестьянская собственность, приобретенная при помощи Крестьянского поземельного банка и других кредитных учреждений. Отметим также, что лидерство Оханского уезда по числу ходатайств «об укреплении» объяснялось и особенностями крестьянского общинного землевладения и землепользования, а именно наличием незначительного количества дальних («окольных», «отъезжих») полей, что повышало доходность земледелия. Это обстоятельство было напрямую связано с традицией проживания крестьян в рамках малодворной деревни. Так, если в Шадринском уезде площадью 15 847 кв. в. в конце XIX в. насчитывалось до 500 селений, то в Оханском — около 3 тыс. селений

на площади в 12 497 кв. в., или, по нашим подсчетам, в среднем 14,5 дворов на одно селение [см.: Труды местных комитетов, с. 540; Оханск, с. 493]. В результате значительная доля «удворных» полей способствовала развитию более интенсивных форм земледелия и заинтересованности оханского крестьянства в процедуре «укрепления». Для крестьян Красноуфимского, Камышловского и Шадринского уездов стимулом для укрепления надела был многоземельный характер их хозяйств, а также существующая возможность недорогой аренды казенных и башкирских земель. Последнее условие могло некоторым образом смягчить вероятные конфликты с общиной при дальнейшем совместном пользовании общими угодьями (сенокосы, пастбища, лес).

Меньшее число заявлений на «укрепление» поступило от крестьян Кунгурского, Соликамского, Ирбитского, Екатеринбургского, Верхотурского и Чердынского уездов. По нашему мнению, это было вызвано необходимостью сохранения полного членства в общинной организации для местных крестьян из-за развития практики внеземледельческого отхода и переориентации некоторых крестьянских дворов на луговую и мясомолочную специализацию. По Вятской губернии на лидирующих позициях по числу заявлений в разные промежутки времени находились Сарапульский и Яранский, Котельнический и Глазовской уезды [см.: Обзор ..., 1909, с. 108; 1915, с. 174]. Лидерство двух первых уездов на начальном этапе проводимой реформы объяснялось вовлечением в товарно-денежные отношения значительного количества крестьян этих территорий. Особенно это касалось Сарапульского уезда (плодородные почвы, сеть железных дорог и водных путей сообщения — р. Кама с притоками, возможность сбыта сельхозпродукции среди горнозаводского населения, наличие местного внеземледельческого заработка на промышленных предприятиях). Смена уездов — лидеров по числу ходатайств в Вятской губернии — в последующий период реализации аграрных преобразований связана с уменьшением числа желающих из Сарапульского и Яранского уездов стать личными собственниками и отрицательной реакцией общины в южном регионе на этот процесс. Что касается крестьян Котельнического и Глазовского уездов, то их заинтересованность в «укреплении» наделов в личную собственность во многом была вызвана их постоянным активным участием в миграционных процессах и отсутствием существенных побудительных мотивов к ведению полевого хозяйства в рамках общины для некоторых из них. Меньшие показатели по другим уездам Вятской губернии были обусловлены большей долей представителей этнических сообществ на южных территориях (в которых принадлежность к общине носила в том числе и религиозный характер), меньшей плотностью населения на северных.

Состав «укрепленцев» был достаточно разнообразен и во многом зависел от широкого диапазона мотивов, которыми руководствовались крестьяне при подаче ходатайств. В своих корреспонденциях пермские крестьяне в начальный период реформы писали: «После указа 9 ноября о своем желании выделиться (т. е. «укрепить» свой надел. — *О. С.*) заявили многие. Сюда относятся живущие в городах крестьяне. Они занимаются торговым промыслом и на прикрепленность к земле смотрят как на цепи, которыми они скованы. О выделении заявляют и те из деревенской бедноты, которые от своей полосы, величиною с носовой платок, не видели ничего, кроме горя и беспросветной бедности. Свобода от пут земли им кажется облегчением» [Пермская земская неделя, с. 12]. Таким образом, воспользоваться новой возможностью пожелали, в частности, те, кто уже достаточно давно не занимался земледелием и не жил в деревне. Наличие среди ходатайствующих об «укреплении» этой категории населения подтверждают и сведения чиновников, согласно которым одной из причин отсутствия своевременного постановления по некоторым заявлениям об «укреплении» земли явилось «неназначение дела к разбору вследствие отдаленности местожительства просителя, не живущего в месте прописки» [см.: Труды порайонного съезда, с. 41]. Добавим, что к последней категории необходимо отнести и мигрантов, которые при переселении на свободные казенные земли Азиатской России или «причислении» там к «старожильческим» обществам имели право в течение двух лет «заявлять об укреплении за ними в личную собственность участков общинной надельной земли в местах их выхода» (ст. 42 Закона от 14 июня 1910 г.) [Герье, с. 227].

В «укреплении» своего надела были заинтересованы и некоторые представители зажиточной прослойки деревни. Так, например, из Глазовского уезда в 1908 г. писали: «В нашей Паломской волости заявлений о выходе из общины почти нет, если не считать 2 случаев выделения из общины (речь идет об «укреплении». — *О. С.*). Но эти выделения последовали из своекорыстных расчетов. Один думает ехать на поселение в Сибирь, а другой в настоящее время обращается к людям с вопросом — нельзя ли обратно воротиться в общину. Оба занимаются бакалейной торговлей» [Голос ..., с. 2]. В данном письме четко прослеживается принадлежность ходатайствующих к категории зажиточного крестьянства. Но если мотив первого ясен (переезд на постоянное место жительства в Азиатскую Россию), то второго — нет. Стоит предположить, что побудительной причиной «укрепления» последнего явилось «желание удержать за собой то количество земли, которым выходящий из общины в настоящее время владеет и которое может уменьшиться при общем

переделе» [Труды порайонного съезда, с. 39]. Речь идет о так называемых земельных «излишках», с которыми некоторые крестьянские дворы не хотели расставаться. Заметим, что в эту мотивированную категорию сельских жителей могли входить как зажиточные, так и маломощные домохозяева (в случае превышения числа едоков над числом работников, потери кормильца и пр.). Для последних необходимость «укрепления» «лишних» душевых наделов в дальнейшем означала возможность осуществить их продажу, чтобы на вырученные деньги «поправить» хозяйство [см.: Зырянов, с. 110].

Площадь «укрепленной» земли на одно хозяйство была различной. В первые годы преобразований укреплялись многоземельные дворы, особенно это касалось Вятской губернии. В последующие годы (вторая половина 1908 — первая половина 1915 г.) размер среднего надела, перешедшего в личную собственность, стал меньше, что свидетельствовало о том, что к процессу укрепления подключились средне- и малоземельные дворы. Минимальные средние показатели площади «укрепленного» земельного надела наблюдались во второй половине 1915 — 1916 г. Большие размеры «укрепленного» надела в Чердынском и Глазовском уездах объяснялись небольшой плотностью населения, преобладанием в составе населения на этих территориях бывших государственных крестьян, присутствием не во всех волостях возможности отхожего заработка, что повышало роль земледелия в формировании бюджета семьи (главным образом в центральных и южных местностях). В северных Верхотурском, Соликамском и Слободском уездах небольшой размер среднего «укрепленного» надела во многом зависел от практиковавшейся незначительной площади запашки в крестьянском хозяйстве и оттоком населения за пределы границ территории. Красноуфимский и Осинский уезды отличались тем, что на этих юго-западных территориях личными собственниками стали в основном многоземельные домохозяева, занимающиеся товарным земледелием. В юго-восточном Зауралье ситуация была обратная: многоземельные дворы были менее заинтересованы в выходе из общины.

Некоторая часть личных собственников наделной земли, исходя из первоначальных своих целей, осуществила продажу «укрепленных» участков. В первые годы реализации аграрной реформы эта практика представляла собой единичные случаи [см.: Труды порайонного съезда, с. 37—38, 43], что объяснялось особенностями переселенческого движения (основной поток мигрантов в Азиатскую Россию пришелся на 1912—1914 гг.) и низкими ценами (переселенцы преднамеренно заранее

не продавали свою землю «за ничтожностью предлагаемой цены») [см. подробнее: Вошинин, с. 14]². В последующие годы продажа «укрепленных» участков осуществлялась более активно. В Пермской губернии на 1 января 1915 г. 12 920 домохозяев, или 61 % «укрепивших» землю, продали свои наделы [см.: Вакатова, с. 137].

Таким образом, многоземельный характер уральских территорий способствовал сохранению заинтересованности в ведении хозяйства в рамках общинной организации у преобладающего числа крестьян. Количество желающих стать личными собственниками в каждом уезде зависело не только от их личных предпочтений, но и от жизненного уклада конкретной территории (особенностей землевладения и землепользования, развития товарных отраслей сельского хозяйства, национального состава, плотности населения, характера и уровня «отхода» на заработки, переселенческого движения, отношения «мира» к наделу и пр.). Значительную роль в итоговых показателях по «укреплениям» сыграла также деятельность земских начальников.

Вакатова Л. П. Некоторые данные о проведении Столыпинской аграрной реформы в Пермской губернии // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 135—139.

Вестник Землеустройства Северного района [Пермь]. 1913. № 17, 5 мая; № 30, 4 августа. 16 с.

Вошинин В. П. На сибирском просторе. Картины переселения. СПб., 1912. 91 с.

Вятка // Энциклопедический словарь. Репринт. изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890—1907). Ярославль, 1992. Т. 14. С. 731—732.

Вятская община и указ 9 ноября 1906 г. // Вятская речь. 1909. № 210. 7 октября.

ГАПК. Ф. 65, 277.

Герье В. Второе раскрепощение. Общие прения по указу 9 ноября 1906 г. в Государственной думе и Государственном совете. С текстом указа 9 ноября 1906 г. и закона 14 июня 1910 г. СПб, 1911. 232 с.

Голос крестьянина о законе 9 ноября (Глазовской уезд, с. Палома) // Вятская речь. 1908. № 204, 11 ноября.

Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. 572 с.

Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907—1914 гг. 233 с.

Котельнич // Энциклопедический словарь. Репринт. изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890—1907). Ярославль, 1992. Т. 31. С. 428—429.

² Точные слова пермских крестьян-переселенцев, направлявшихся в Енисейскую губернию, приведены в книге В. П. Вошинина, депутата III Государственной думы, совершившего в 1912 г. поездку в Азиатскую Россию через Челябинский регистрационный переселенческий пункт.

- Нолинск* // Там же. Т. 41. С. 324—325.
- Обзор* Вятской губернии за 1908 г. Вятка, 1909. 135 с.
- Обзор* Вятской губернии за 1914 г. Вятка, 1915. 180 с.
- Оханск* // Энциклопедический словарь. Репринт. изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890—1907). Ярославль, 1992. Т. 44. С. 493—494.
- Пермская земская неделя*. 1908. № 2. 10 января.
РГИА. Ф. 1291.
- Россия*. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 5 : Урал и Приуралье / под ред. В. П. Семенова Тян-Шанского. СПб., 1914. 685 с.
- Сарапул* // Энциклопедический словарь. Репринт. изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890—1907). Ярославль, 1992. Т. 56. С. 431—432.
- Слободской* // Там же. Т. 59. С. 374—375.
- Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 30. Пермская губерния. СПб., 1903. 560 с.
- Труды* порайонного съезда земских начальников и непреременных членов землеустроительных комиссий Пермской губернии в г. Екатеринбурге 23 августа 1909 г. Пермь, 1909. 65 с.

УДК 342.26(470.5)

Т. В. Соловьева

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ*

На широком документальном материале дается подробный обзор реформ административно-территориального деления на территории современной Свердловской области начиная с XVII в. и в тесной связи с историей освоения Урала. Выявляются основные факторы и тенденции территориальных преобразований. Рассматриваются различия в подходах к реформированию административных единиц, принадлежащих к разным иерархическим уровням. Дается авторская периодизация реформ, характеризуются основные черты каждого периода.

К л ю ч е в ы е с л о в а : административно-территориальное деление; Средний Урал; районирование; политические реформы; местное управление; губернии; уезды; округа; области и районы.

Изучение социально-экономических и демографических процессов в многовековой исторической ретроспективе обычно связано с решением непростой задачи соотнесения современных административно-территориальных границ с существовавшими в прошлом, иногда весьма отдален-

* Тема поддержана грантом РГНФ 11-01-12044в «Историко-географический справочник “Населенные пункты Свердловской области”».